

## ФОРМИРОВАНИЕ ТОТАЛИТАРНОГО ПРАВА В ХОДЕ МАССОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ 1930-х ГОДОВ В СССР

© 2016 г. Сергей Александрович Кропачев<sup>1</sup>

*В статье рассматриваются “волны” массовых политических репрессий 1930-х годов: раскулачивание и депортация крестьянства, насильственное выселение “неблагонадежных” народов, “большой террор” 1937–1938 гг., “драконовские” законы против рабочих, служащих и колхозников. Анализируются политические и правовые решения, влиявшие на расширение государственного террора, а также его масштабы и последствия. Политические события даются в контексте их влияния на правовые нормы, утвердившиеся в тоталитарном государстве. Автор формулирует признаки (черты) тоталитарного права, а именно: его классовую направленность, отказ от презумпции невиновности, абсолютизацию упрощенного характера ведения следствия и судопроизводства, политизацию системы советской юстиции, формирование системы управления карьерами судебной-прокурорских работников, фрагментацию политической юстиции и создание мощной системы политического сыска, проведение беспрецедентных идеологических компаний по борьбе с “врагами народа” с целью оправдания беззакония в любых формах и масштабах.*

*In article “waves” of mass political repressions of the 1930th years are considered: dispossession of kulaks and deportation of the peasantry, violent eviction of the “unreliable” people, “big terror” of 1937–1938, “draconian” laws against workers, employees and collective farmers. The political and legal decisions influencing the solution of the state terror, and also its scales and consequences are analyzed. Political events are given in the context of their influence on the precepts of law approved in the totalitarian state. The author forms signs (lines) of the totalitarian right, namely its class orientation, refusal of an innocence presumption, absolutization of the simplified nature of maintaining a consequence and legal proceedings, politicization of system of the Soviet justice, formation of a control system of pits of judicial and public prosecutor’s workers, fragmentation of political justice and creation of powerful system of political investigation, carrying out the unprecedented ideological companies on fight against “enemies of the people” for the purpose of a lawlessness justification in any forms and scales.*

**Ключевые слова:** массовые политические репрессии в СССР, тоталитаризм, авторитарная модель права, черты тоталитарного права.

**Key words:** mass political repressions in the USSR, totalitarianism, authoritarian model of law, line of totalitarian law.

Массовые политические репрессии в СССР – это система государственных карательных мер, разработанных и осуществленных политическим режимом в огромных масштабах на протяжении длительного периода против определенных (целевых) групп граждан, сословий, классов, народов.

В статье будут рассмотрены различные формы политических преследований в 1930-х годах в СССР и их влияние на формирование тоталитарного права. В отечественной и зарубежной историографии за последние 25 лет появились серьезные публикации, посвященные массовым

политическим репрессиям в СССР, их механизму, масштабам и последствиям<sup>2</sup>. Хуже обстоит дело с работами, освещающими государственный террор с точки зрения юридической экспертизы, анализа правовой системы и права в условиях тоталитарного режима, несвободы, подавления инакомыслия и массовых нарушений прав человека. Назовем в этом отношении работы О.В. Хлевлю-

<sup>1</sup> Профессор кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета, директор НОУ УЦ “Кубань-энерго”, доктор исторических наук (E-mail: director@uk-kubenergo.ru).

Sergey Kropachev, professor of the Department of criminal procedure at Kuban state University, Director of NOU UTS “Kubanenergo”, Doctor of History (E-mail: director@uk-kubenergo.ru).

<sup>2</sup> См.: Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М., 2001; Исаев В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000; Население России в XX веке. В 3-х т. Т. 1. М., 2000; Демографическая модернизация России. 1900–2000. М., 2006; Голотик С.И., Минаев В.В. Население и власть: Очерки демографической истории СССР 1930-х годов. М., 2004; Иванова Г.М. История ГУЛАГа, 1918–1958. Социально-экономический и политико-правовой аспекты. М., 2006; Юнге М., Биннер Р. Как Террор стал “Большим”. Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М., 2003; Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М., 2008; и др.

ка, В.М. Курицына, А. Венгерова, Ю.И. Стецовского, Ю.Н. Жукова, Н.В. Петрова<sup>3</sup>.

Термин “тоталитарное право” ввел в научный оборот А. Подгорецкий в 1996 г.<sup>4</sup> С ним согласен известный специалист в области изучения “сталинской” юстиции, профессор Университета Торонто П. Соломон<sup>5</sup>. Нам представляется, что термин недостаточно точно определяет положение правовых норм, систем и ведомств юстиции в условиях существования жестокого тоталитарного режима, — такого, например, который утвердился в СССР в 1930-е годы. Не может быть тоталитарного, авторитарного или демократического права, как не бывает пролетарской физики или буржуазной математики. Право по своей сути должно быть демократичным и служить интересам всего общества. Иными словами, право и закон в принципе не могут быть орудиями политических режимов, элит или диктатур. Если это происходит, как многократно бывало в XX в., право превращается в фарс, ширму, фасад режима, формально существует на бумаге, в экспортном варианте и используется прежде всего для внешнеполитических целей как доказательство легитимности тоталитарного строя.

Более точный термин в 1991 г. предложил другой западный ученый — Л. Радзинович<sup>6</sup>. Он дал характеристику феномену, который назвал “авторитарной моделью уголовной юстиции”<sup>7</sup>.

Таким образом, в данной статье термин “тоталитарное право” употребляется условно — как некое собирательное, обобщающее понятие. Под этим термином понимаются право и правовая система, сложившиеся в СССР в 1920–1940 годы в интересах большевистского режима, которым были свойственны полная зависимость от политической конъюнктуры, попрание прав и свобод

человека, оправдание произвола и насилия как основных способов решения государством любых проблем.

В 1930-е годы массовые политические репрессии были применены в огромных масштабах в изощренных формах и напрямую влияли на формирование тоталитарного права. Нужно отметить, что карательные акции большевистский режим применял на практике и ранее (“красный террор”, ликвидация оппозиционных партий), и в последующие годы (депортации “неблагонадежных” и “наказанных” народов и представителей “неправильных” религиозных вер, разоблачение послевоенных “заговоров”, борьба с космополитизмом, неоправданно жестокие указы 1947 г. о хищениях и т.д.). Но именно в 1930-е годы был заложен фундамент “тоталитарного права”, а отдельные “камни” в его здание закладывались в 1940-е и в первой половине 1950-х годов.

Выделим как минимум четыре “волны” этапа репрессий в 1930-е годы:

1. Раскулачивание и депортация зажиточных крестьян. В 1930–1931 гг. в ходе “кулацкой ссылки” на спецпоселение поступило 1 млн. 803 тыс. крестьян<sup>8</sup>. Кроме этого, насильственному переселению в 1930-е годы подверглось еще около 700 тыс. человек — это так называемый сомнительный элемент из пограничных зон, деклассированные жители городов и др.<sup>9</sup>. Апогеем борьбы с крестьянством стало принятие чрезвычайных постановлений ЦИК и СНК СССР в августе 1932 г., жестоко каравших прежде всего жителей деревни за хищения хлеба и спекуляцию (в том числе и зерном). По этим постановлениям вводилась ответственность вплоть до смертной казни<sup>10</sup>. В августе 1933 г. 44-й Пленум Верховного Суда СССР подвел итог применению постановления ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. (Закона о “семи колосках”) за период с момента издания до 1 июля 1933 г. По неполным данным, цифра осужденных составила 293 201 человек, из них к расстрелу было приговорено 13 844 и к 10 годам лишения свободы — 165 967 человек<sup>11</sup>.

<sup>3</sup> Хлевнюк О. В. Пределы принуждения: опыт административно-командного управления в предвоенные годы // Исторический опыт и перестройка. Человеческий фактор в социально-экономическом развитии СССР. М., 1989; Курицын В. М. 1937 год: истоки и практика культа // Реабилитирован посмертно. Вып. 1, 2. М., 1989; Венгеров А. Законность, как ее понимал Вышинский // Инквизитор: сталинский прокурор Вышинский. М., 1992; Стецовский Ю. И. История советских репрессий. Т. 1, 2. М., 1997; Жуков Ю. Н. Репрессии и Конституция СССР 1936 г. // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 3–26; Петров А. В. Введение // История сталинского ГУЛАга. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. В 7-ми т. Т. 2. Карательная система. Структура и кадры. М., 2004.

<sup>4</sup> Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 1998. С. 450, 455.

<sup>5</sup> См.: там же. С. 450.

<sup>6</sup> См.: там же. С. 450, 455.

<sup>7</sup> Там же. С. 450.

<sup>8</sup> См.: Демографическая модернизация России. 1900–2000. М., 2006. С. 423.

<sup>9</sup> См.: Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М., 2005. С. 281.

<sup>10</sup> Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927–1932 гг. М., 1989. С. 475–478; История сталинского ГУЛАга. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. В 7-ми т. Т. 1. Массовые репрессии в СССР. М., 2004. С. 647–649.

<sup>11</sup> История сталинского ГУЛАга. Т. 1. С. 650.

2. Насильственное переселение народов в середине 1930-х годов. В СССР депортации были организованы по социальному (“кулаки”), этническому (“неблагонадежные” и “наказанные” народы), религиозному (представители “подозрительных” конфессий) и политическому (“властовцы”, оцновцы) признакам. Примером первых массовых депортаций середины 1930-х годов, осуществленных по национальной принадлежности, стало насильственное переселение в 1935 г. из Ленинградской области и Карелии 23 217 финнов, в 1936 г. из УССР (районы вблизи границы с Польшей) – 69 283 поляков, в 1937 г. из Армении, Азербайджана, Туркмении, Узбекистана и Таджикистана – 4280 курдов<sup>12</sup>. Но самым массовым и трагичным было переселение в конце сентября 1937 г. с территории советского Дальнего Востока 171 781 корейца (36 442 семьи)<sup>13</sup>. Корейцы были депортированы на основании постановлений Политбюро ЦК ВПК (б) “О корейцах” от 21 августа и 23 сентября 1937 г. Были определены районы Дальневосточного края, откуда должны были переселяться корейцы, сроки, масштабы и порядок депортаций. Насильственное переселение прошло под девизом “пресечения проникновения японского шпионажа в ДВК”<sup>14</sup>.

Насильственные переселения народов накануне и в первые годы войны финнов, поляков, курдов, корейцев, немцев, греков и др. носили упреждающий характер. Таким образом режим наносил удар по несуществующей “пятой колонне”. Начиная с 1943 г. в ссылку будут отправлены прежде всего народы в наказание за преступления, совершенные их представителями в период оккупации (карачаевцы, калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы, крымские татары и др.).

Всего в середине 1930-х годов было депортировано по этническому признаку 268 561 человек. Учитывая высокую смертность во время транспортировки и на спецпоселениях, можно предположить, что около 50 тыс. из них погибли<sup>15</sup>.

3. “Большой террор” 1937–1938 гг. Впервые термин “большой террор” был введен в научный оборот в 1968 г. английским исследователем Р. Конквестом<sup>16</sup>. Сегодня существуют различные

трактовки хронологических рамок “большого террора”, как правило, охватывающего 1930-е годы (1934–1938, 1936–1938 и др.). Мы понимаем под “большим террором” события 1937–1938 гг., когда в стране осуществлялся оперативный приказ наркома внутренних дел СССР № 00447 от 30 июля 1937 г. об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов<sup>17</sup>. Он определил порядок, сроки, масштабы репрессий “антисоветских элементов”, утвердил персональный состав республиканских, краевых и областных “троек”<sup>18</sup>, организацию их работы и полномочия<sup>19</sup>. Всего в 1937–1938 гг. было принято более 70 документов, регламентирующих проведение массовых репрессий в СССР. Это – всевозможные постановления, приказы, директивы, циркуляры, письма, шифротелеграммы, почтотелеграммы, спецсообщения Политбюро ЦК ВКП(б), НКВД СССР, Прокуратуры СССР, многие из которых носили секретный характер<sup>20</sup>.

В соответствии с приказом № 00447 все репресслируемые по мерам наказания разбивались на две категории. К первой относились все наиболее враждебные “антисоветские элементы”. Они подлежали “немедленному аресту и по рассмотрении их дел на тройках – расстрелу”<sup>21</sup>. Ко второй категории относились “все остальные, менее активные, но все же враждебные элементы”. Они подлежали «аресту и заключению в лагерь на срок от 8 до 10 лет, а наиболее злостные и социально опасные из них – заключению на те же сроки в тюрьмы по определению “тройки”»<sup>22</sup>. Степень “враждебности” и социальной “опасности” “антисоветских элементов” определяли органы НКВД. Цена решения “тройки” была очень

<sup>17</sup> См.: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 273–281.

<sup>18</sup> Впервые “тройки” были созданы в центральном аппарате ОГПУ при СНК СССР для предварительного рассмотрения законченных следственных дел и их последующего доклада на судебных заседаниях коллегии или Особого совещания Управления. В годы “большого террора” они стали главным орудием массовых политических репрессий, инструментом государственного террора (см.: Кропачев С. А. Хроника коммунистического террора. Трагические фрагменты новейшей истории Отечества. События. Масштабы. Комментарии. Ч. 1. 1917–1940 гг. Краснодар, 1995. С. 29).

<sup>19</sup> См.: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 273–281.

<sup>20</sup> См.: Кропачев С. А. Масштабы демографических потерь СССР. Начало 1930-х – середина 1940-х годов. Проблемы Отечественной истории и историографии. Сб. науч. ст. Краснодар, 2010. С. 114–121.

<sup>21</sup> Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 274.

<sup>22</sup> Там же.

<sup>12</sup> См.: Земсков В. Н. Указ. соч. С. 78–82.

<sup>13</sup> См.: Лубянка. Сталин и главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 651.

<sup>14</sup> Там же. С. 325, 326, 327.

<sup>15</sup> См.: Земсков В. Н. Указ. соч. С. 281.

<sup>16</sup> См.: Conquest R. The Great Terror. Stalin's Purge of the Thirties. L., 1968.



высока. Отнесение “тройкой” репрессируемого к первой категории означало неминуемую скорую смерть, ко второй – смерть, но мучительную и долгую. Был определен длинный перечень “контингентов”, подлежащих репрессиям<sup>23</sup>. Обращает на себя внимание, что в очередной раз большевистский режим на одну доску поставил своих бывших политических противников (“члены антисоветских партий”, “белые”) и уголовников (“бандиты”, “грабители”, “воры-рецидивисты” и др.). Приравняв к бандитам так называемых антисоветских элементов, коммунистическая система поставила последних вне закона.

Операция по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других “антисоветских элементов” началась в августе 1937 г. и должна была закончиться в четырехмесячный срок<sup>24</sup>. В приказе № 00447 было определено конкретное количество лиц подлежащих репрессиям по первой и второй категориям по каждой республике, краю или области. Всего по стране “в плановом порядке” предстояло репрессировать по первой и второй категориям 268 950 человек<sup>25</sup>.

Данные цифры являлись “ориентировочными”. Но наркомы республиканских НКВД и начальники краевых и областных управлений не имели права “самостоятельно их превышать”. Разрешалось “уменьшать цифры” и переводить “лиц, намеченных к репрессированию по первой категории, – во вторую категорию и наоборот”<sup>26</sup>. В тех “случаях, когда обстановка будет требовать увеличения утвержденных цифр, наркомы республиканских НКВД и начальники краевых и областных управлений НКВД обязаны” были предоставить народному комиссару внутренних дел СССР “соответствующие мотивированные ходатайства”<sup>27</sup>.

Надо отметить, что наркомы НКВД республик и начальники управлений НКВД краев и областей активно пользовались своим правом на “мотивированные ходатайства” об увеличении “плановых заданий” (“лимитов”) в отношении лиц, подлежащих репрессиям, а правом на “уменьшение цифр” – нет<sup>28</sup>.

Фактически неограниченные полномочия “троек”, рассматривавших дела заочно, в ускоренном порядке, осуждавших подсудимых списками, а также упрощенный порядок расследования

и рассмотрения дел о террористических организациях, террористических актах, вредительстве и диверсиях, принятый постановлениями ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г. и 14 сентября 1937 г.<sup>29</sup>, привели к массовому произволу и беззаконию.

С середины 1937 г. в органах внутренних дел начинается неофициальное “соцсоревнование” по массовому “разоблачению” “врагов народа”. Волны доноительства и шпиономании захлестнули страну. Все это происходило на фоне мощнейших идеологических и пропагандистских кампаний, нагнетания массового политического психоза и истерии<sup>30</sup>. “Выявление” многочисленных шпионов, диверсантов, пособников вражеских разведок “поддерживалось” на собраниях интеллигенции, рабочих и колхозников<sup>31</sup>.

В итоге за короткое время в стране было арестовано, осуждено и расстреляно огромное число невинных граждан. В 1937–1938 гг. в СССР подверглись аресту 3 млн 141 тыс. 444 человека, из них 1 млн 575 тыс. 259 – по обвинению в политических преступлениях и 1 млн. 566 тыс. 185 – уголовных. В эти годы по политическим мотивам было осуждено 1 млн. 344 тыс. 923 человека, из них 681 692, или 50.7%, приговорено к расстрелу<sup>32</sup>. Государство ежедневно убивало тысячу своих невинных граждан. Кроме того, в исправительно-трудовых лагерях, исправительно-трудовых колониях и тюрьмах<sup>33</sup> в эти годы от различных причин умерло 160 084 заключенных<sup>34</sup>. Часть из них была осуждена по политическим мотивам<sup>35</sup>. Добавив к двум последним цифрам неко-

<sup>29</sup> Упрощенный порядок по этим категориям дел предусматривал, что следствие должно было заканчиваться в срок не более десяти дней, обвинительное заключение должно вручаться обвиняемым за сутки до рассмотрения дел, дела слушались без участия сторон, кассационные обжалования приговоров не допускались, приговоры к высшей мере наказания приводились в исполнение немедленно и др. (см.: История отечественного государства и права. Ч. II. М., 1999. С. 294).

<sup>30</sup> Об этом см.: Кропачев С. А. “Большой террор” и его жертвы в зеркале советской пропаганды 1937–1938 гг. // Росс. история. 2011. № 2. С. 116–124; и др.

<sup>31</sup> См.: Рапопорт В., Алексеев Ю. Измена Родине. Очерки по истории Красной Армии. Лондон, 1988. С. 371–406; и др.

<sup>32</sup> См.: Население России в XX веке. В 3-х т. Т. 1. М., 2000. С. 318.

<sup>33</sup> Без учета контингента спецпоселений.

<sup>34</sup> См.: Население России в XX веке. В 3-х т. Т. 1. С. 320; Исапов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000. С. 118; Глотик И. И., Минаев В. В. Население и власть. Очерки демографической истории СССР 1930-х годов. М., 2004. С. 161.

<sup>35</sup> См.: Земсков В. Н. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. № 5. С. 152.

<sup>23</sup> См.: там же.

<sup>24</sup> См.: там же. С. 273, 277.

<sup>25</sup> См.: там же. С. 275, 276 (Расчет наш. – С.К.).

<sup>26</sup> Там же. С. 276, 277.

<sup>27</sup> Там же. С. 277.

<sup>28</sup> Об этом см.: там же. С. 275, 276, 322, 325, 330, 644, 651 и др.

торый процент тех политических, кто был осужден и расстрелян по уголовным статьям или умер в эти годы в ГУЛАГе, получим неутешительный итог. В 1937–1938 гг. в результате организованного террора страна потеряла около 1 млн человек погибшими<sup>36</sup>. Если принять во внимание, что большинство из “политических”, уничтоженных в эти годы, были мужчины в трудоспособном возрасте<sup>37</sup>, многие из которых имели определенный социальный статус, профессиональный опыт, образование, то нетрудно представить катастрофические последствия “большого террора” для судеб страны и армии за несколько месяцев до начала Второй мировой войны.

4. Четвертый виток репрессивной политики приходится на 1938–1939 гг. Он связан с введением фактически полувоенной трудовой повинности, форсированным воспроизводством системы принудительного труда. Не успели высохнуть чернила на постановлении СНК СССР и ЦК ВКП (б) “Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия” от 17 ноября 1938 г.,<sup>38</sup> формально критиковавшем массовый произвол и насилие, как в декабре 1938 г. и мае 1939 г. принимаются решения, направленные на ужесточение трудовой дисциплины рабочих и колхозников<sup>39</sup>. Так, в соответствии с постановлением СНК СССР, ЦК ВКП (б) и ВЦСПС “О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле” от 28 декабря 1938 г. рабочим и служащим грозило автоматическое увольнение и выселение из ведомственных общежитий или квартир за три опоздания на работу на двадцать минут в течение одного месяца или за четыре опоздания в пределах двух месяцев<sup>40</sup>. С 1939 г. рабочим и служащим в обязательном порядке выдавались

трудовые книжки, в которые заносились все санкции дисциплинарного порядка<sup>41</sup>.

27 мая 1939 г. выходит постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР “О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания”, которым предусматривалось изъятие излишков земель приусадебных участков колхозников в пользу коллективных хозяйств. Размеры приусадебных хозяйств приводились к нормам, предусмотренным Примерным уставом сельхозартели. В дальнейшем за нарушение таких норм устанавливалась уголовная ответственность колхозников и руководителей хозяйств. Мощным способом активного принуждения колхозников к общественному труду стало установление для каждого из них обязательного минимума трудодней – от 60 до 100 в год (в зависимости от региональных особенностей). За нарушение этой нормы колхозы обязаны были исключать провинившихся из числа своих членов. Нарушители теряли права колхозников, прежде всего, права на приусадебный участок<sup>42</sup>.

Таким образом, продолжался процесс прикрепления рабочих и служащих к производству, а крестьянства – не только к колхозам, но и в соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от декабря 1932 г. об установлении единой паспортной системы, – к своим селам.

В последующие годы меры по ужесточению трудовой дисциплины, абсолютизации трудовой повинности коснулись не только рабочих, служащих и колхозников<sup>43</sup>, но и военнослужащих,

<sup>41</sup> См.: там же.

<sup>42</sup> См.: История отечественного государства и права. Ч. II. С. 288.

<sup>43</sup> См.: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1940 г. “О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятия и учреждений” // Сов. юстиция. 1940 г. № 11. С. 5, 6; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 июля 1940 г. “Об ответственности за выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции и за несоблюдение обязательных стандартов промышленными предприятиями” // Сб. документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. / Под ред. И. Т. Голякова. М., 1951. С. 406; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 августа 1940 г. “Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и за хулиганство” // Там же. С. 407, 408; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 октября 1940 г. “О порядке обязательного перевода инженеров, техников, мастеров, служащих и квалифицированных рабочих с одних предприятий и учреждений в другие” // Сб. законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1961 гг. М., 1961. С. 567; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. “О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время” // Решения партии и правительства по хозяйствен-

<sup>36</sup> См.: Исупов В. А. Указ. соч. С. 118.

<sup>37</sup> Можно предположить, что мужчин среди репрессированных было около 90% (см.: Население России в XX веке. Т. 2. М., 2001. С. 189).

<sup>38</sup> См.: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 607–611.

<sup>39</sup> Это два постановления от 9 и 28 декабря 1938 г. и от 27 мая 1939 г. Самыми известными из них, безусловно, были постановления СНК СССР, ЦК ВКП (б) и ВЦСПС от 28 декабря 1938 г. “О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле” и постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 27 мая 1939 г. “О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания” (см.: История отечественного государства и права. Ч. II. С. 288; История советского государства и права. Кн. 3. М., 1985. С. 134).

<sup>40</sup> См.: Соломон П. Указ. соч. С. 294.

работников машинно-тракторных станций, учащихся системы государственных трудовых резервов (ремесленные, железнодорожные училища и школы ФЗО) и других категорий граждан<sup>44</sup>.

ным вопросам. 1917–1967 гг. Сб. документов. В 5-ти т. Т. 3. 1941–1952 гг. М., 1968. С. 37, 38; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. “Об ответственности рабочих и служащих военной промышленности за самовольный уход с предприятий” // Ведомости Верховного Совета СССР. 1942. 12 янв. № 2; постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) “О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней” от 13 апреля 1942 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 7. 1938–1945. М., 1985. С. 281, 282; постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП (б) “О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах” от 19 сентября 1946 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. III. 1930–1954. М., 1954. С. 495–501; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июля 1947 г. “Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества” // Сб. законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР за 1947 год. М., 1948. С. 39, 40; Указ Президиума Верховного Совета СССР “О выселении из Украинской ССР лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни” от 21 февраля 1948 г. // История сталинского Гулага. Конец 1920 – первая половина 1950-х годов. В 7-ми т. Т. 1. Массовые репрессии в СССР. М., 2004. С. 572, 573; Указ Президиума Верховного Совета СССР “О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни” от 2 июня 1948 г. (см.: там же. С. 573, 574) и др.

Эти и многие другие “драконовские” законы против рабочих, служащих и колхозников привели к массовому осуждению граждан даже за незначительные проступки, усугубили атмосферу страха, дали новые поводы НКВД для расширения репрессий. В развитие только Указа от 26 июня 1940 г. были приняты многочисленные нормативные акты, обеспечившие проведение его в жизнь (см.: там же. С. 663).

За неполный год (с июня 1940 г. по 1 апреля 1941 г.) по Указу от 26 июня 1940 г. было осуждено 2 млн 576 тыс. 849 человек, в том числе за прогул – 2 млн 158 тыс. 406 человек; за самовольный уход с работы – 400 тыс. 85 человек; за покровительство прогульщикам – 7 тыс. 775 человек (см.: там же. С. 416). Репрессии продолжались и в годы войны. За второе полугодие 1941–1942 гг., в самый тяжелый для страны период, было осуждено 2 млн 284 тыс. 307 человек. Всего в СССР, по состоянию на 1 января 1946 г., по Указу от 26 июня 1940 г. было осуждено 8 млн 300 тыс. человек (см.: там же. С. 446, 545, 546).

<sup>44</sup> См.: Указ Президиума Верховного Совета СССР “Об ответственности за самовольные отлучки и дезертирство” от 6 июля 1940 г. // История советского государства и права. Кн. 3. М., 1985. С. 181; Указ Президиума Верховного Совета СССР “О запрещении самовольного ухода с работы трактористов и комбайнеров, работающих в машинно-тракторных станциях” от 17 июля 1940 г. // Сб. законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1961 гг. С. 567; Указ Президиума Верховного Совета

1930-е годы дали мощный толчок формированию тоталитарного права. Перечисленные, а также другие события в политической, экономической, социальной, идеологической и иных сферах ежедневно давали новый “строительный материал” для его укрепления. Тоталитарное право, возникшее в СССР в 1930-е годы, полностью отвечало сути антидемократического режима, преданно служило коммунистическому (номенклатурно-бюрократическому) строю.

Назовем основные признаки тоталитарного права, характерные для советской (сталинской) модели государственного устройства:

#### *классовая направленность права*

Правовые нормы и системы реализуются в интересах господствующего класса. Основанием для осуждения, преследования становится не факт преступления, не действие или противодействие, а социальное происхождение, воспитание, образование, политические убеждения гражданина. В 1920–1930 годы получила широкое распространение теория “опасного состояния” личности, по которой основанием для уголовного преследования должна быть не конкретная вина, а например, социальное происхождение гражданина<sup>45</sup>. “Правовые” основы репрессивной политики большевиков ярко выразил член коллегии ВЧК Лацис. Еще в 1918 г. он писал: “Мы не ведем войны против отдельных лиц. Мы истребляем буржуазию, как класс. Не ищите на следствии материала и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против Советской власти. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, – какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определять судьбу обвиняемого. В этом смысл и сущность красного террора”<sup>46</sup>. Эти слова могут служить эпиграфом к политическим репрессиям в СССР;

#### *отказ от презумпции невиновности*

Широко известно, что А.Я. Вышинский предложил, чтобы в делах об антисоветских, контрреволюционных организациях и группах признания обвиняемых “неминуемо приобретали бы характер и значение фундаментального, жизненно важ-

СССР “Об ответственности учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО за нарушение дисциплины и за самовольный уход из училища (школы)” от 28 декабря 1940 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 1; Указ Президиума Верховного Совета СССР “О приобщении к труду цыган, занимающихся бродяжничеством” от 5 октября 1956 г. (см.: там же. С. 569) и др.

<sup>45</sup> См.: Реабилитирован посмертно. Вып. 1, 2. М., 1989. С. 27.

<sup>46</sup> Мельгунов С. Красный террор в России. 1918–1923. М., 1990. С. 44.



ного и решающего доказательства” вины<sup>47</sup>. Эти “правовые новации” были основаны на конкретном законодательстве. 8 июля 1934 г. ЦИК СССР принял Закон об измене Родине. В нем была узаконена такая антидемократическая норма, как объективное вменение. Закон устанавливал ответственность даже тех членов семьи изменившего военнослужащего, которые ничего не знали о готовящейся или совершенной измене. Они подлежали лишению избирательных прав и ссылке на пять лет<sup>48</sup>. В последующей практике реализации Закона эта норма распространялась на сослуживцев и друзей “изменника”, а с 1935 г. — и на несовершеннолетних детей<sup>49</sup>;

*радикальное, нигилистическое, уничижительное отношение к праву, абсолютизация упрощенного характера ведения следствия и судопроизводства*

Вспомним разговор главного героя романа Ю. Домбровского “Факультет ненужных вещей” и следователя. Последний называет юридический факультет “факультетом ненужных вещей”, а юриспруденцию — наукой о формальностях, бумажках и процедурах. Для следователя право — это предрассудок, существует лишь “социалистическая целесообразность”<sup>50</sup>.

Характерной особенностью тоталитарного права стали зависимость ценностей правовых норм от политической интерпретации, развитие уголовной политики и практики — от инициатив вождей и власти вообще. Наличие упрощенного порядка следствия и суда привело к появлению многочисленных вариантов квазисудебных органов<sup>51</sup>, ставших основными инструментами осуществления государственного террора;

*форсированная политизация судов, прокуратуры, следственных органов, всей системы советской юстиции*

Воспитание в большинстве своем послушных, управляемых, зависимых судей, прокуроров, адвокатов, следователей, которые выступали фактически в качестве агентов тоталитарного режима;

*формирование многослойной системы управления карьерами судебнo-прокурорских работников, начиная со студенческой скамьи, важнейшей целью которой стало их превращение в армию преданных и конформистски настроенных чиновников, встроенных в номенклатурную-бюрократическую систему;*

*фрагментация или выделение из уголовной юстиции юстиции политической с дискреционными полномочиями, специальными учреждениями и органами, огромным аппаратам, мощным государственным финансированием, особым порядком присвоения воинских званий<sup>52</sup> и материального стимулирования сотрудников*

Политический сыск играл особую роль в советском государственном механизме;

*формальное сочетание якобы соблюдаемых правовых норм, декларативных заявлений о приверженности демократии, “продвинутых” конституций в качестве ширмы с действительностью, в которой право служило интересам партийно-номенклатурной системы и выступало в качестве его орудия;*

*проведение беспрецедентных идеологических, пропагандистских компаний по борьбе с различными категориями “врагов”, манипуляция массовым общественным сознанием, нагнетание атмосферы страха, нетерпимости для уничтожения инакомыслия, оправдания беззакония и насилия в любых формах и масштабах.*

Тоталитарное право, сформировавшееся в 1930-е годы в ходе перманентной квазигражданской войны, его отдельные признаки, его дух сохранялись отчасти и после смерти Сталина. Полная подконтрольность советских судебных и прокурорских органов правящей партии стала печально узнаваемым “брендом” политической и общественной жизни в СССР.

<sup>52</sup> Специальные звания сотрудников НКВД СССР были введены в 1935 г. (см.: Реабилитирован посмертно. С. 26, 27).

<sup>47</sup> Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1950. С. 264.

<sup>48</sup> См.: История отечественного государства и права. Ч. II. С. 290.

<sup>49</sup> См.: Вопросы истории. 1988. № 12. С. 14.

<sup>50</sup> Стецовский Ю. И. История советских репрессий. Т. 1. М., 1997. С. 412.

<sup>51</sup> Назовем лишь некоторые из них: революционные трибуналы, ВЧК и ее отделения на местах, “тройки”, Особая комиссия НКВД РСФСР по высылкам, Особое совещание при ОГПУ, Особое совещание при НКВД СССР и др.